

Жизнь хороша, пока находишь, чему удивляться. Вот с такого старта мне легче разговорить себя на любимую тему.

Говорить о Высоцком трудно. В ушах ворчит предупредительный голосок: «Еще один примазывается, еще одному погреться в лучах чужой славы совесть не мешает, еще один закадычник сыскался». И вдруг: сидишь в компании таких же «современников» и свидетелей, и если настроение хорошее, как прекрасно поговорить об этом «совместно найтом имуществе», об унесенных ветром годах таганской юности. Остановить мгновение, и разглядеть его, и оживить старым актерским способом...

Трио из «Таганки»

Вот никак не ожидал, удивила меня жизнь: в мае этого года состоялась серия замечательных встреч в Израиле. Представьте себе 12-13 городов, и в каждом — полный зал зрителей Таганки 60-70-80-х годов. Мы троим выходим, садимся, на одном дыхании два часа грустим, смеем, читаем, друг другу вторим, перебиваем, помогаем... Высоцкий, Золотухин, Смердов.

Две недели как один день. По дорогам и городам Святой земли.

Мы ежедневно и ежечасно все эти пятнадцать суток радовались своему удивлению. Быть вместе. Кормить зал стихами, грустью, смехом, песнями. Помогать друг другу, и перебивать друг друга, и выходить на поклон друг с другом: Высоцкий, Золотухин и я.

На первых концертах, когда к микрофону выходил Высоцкий, публика видела, как мы с Валерием глядели на него совершенно не стесняясь ни изумления, ни слез. А за кулисами и по дороге к отелю продолжалось наше общение. Утром, днем, вечером, допоздна...

Когда мы выходили к публике, я обращался в зал с предисловием:

— Представьте себе такую пьесу: 30 лет назад в Москве жил молодой театр Юрия Любимова, где помимо спектаклей рождался особый жанр концертов. В то время нас принимали командой, и на сцене, и в жизни мы были равны и дружны между собой, и по именам-фамилиям никто в публике нас не различал.

Очень часто компания называлась так: артисты театра на Таганке: Высоцкий, Золотухин, Смердов. Мы приезжали в какой-нибудь «ящик» (все актеры любили поиграть в «ящике»), официального разрешения выступать мы не имели, все делалось по секрету, поговору, по взаимному интересу актеров и зрителей... Я, как правило, был ведущим, объявлял всех и каждого, а потом шли отрывки из поэтических представлений. Мы читали, пели, смешили, грустили и утешали «простых советских» непростыми намеками и надеждами. Форма концерта — необычная. Программа позволяла называть нашу работу театральным зрелищем.

А теперь я опускаю эти 30 лет и предоставляю вашему богатому воображению право нарисовать пережитое нами... Годы премьер, удач, разлук, потерь, настоящих трагедий и грешных размолок...

Прошло 30 лет, и я объявляю состав сегодняшнего представления: «Артисты московского Театра на Таганке Никита Высоцкий, Валерий Золотухин, Вениамин Смердов».

Дальше сплетаются времена, имена и судьбы...

«Золотой век» Таганки: поэты в зале, поэты на сцене. Спектакль «Послушайте!», где в роли Поэта — пятеро, в том числе мы с Золотухиным и Володей Высоцким, отцом Никиты.

«Серебряный век» российской поэзии, и его блестящий свидетель Николай Эрдыман — с нами, с театром с 1964-го до 1970-го, до самого ухода... Друзья и коллеги «нашего» Эрдымана — звонкие, живые Есенин, Се-

«Мне выбора, по счастью, не дано»

К июльским печально памятным дням

(25 и 28 июля 1980 г., кончина и похороны Владимира Высоцкого)

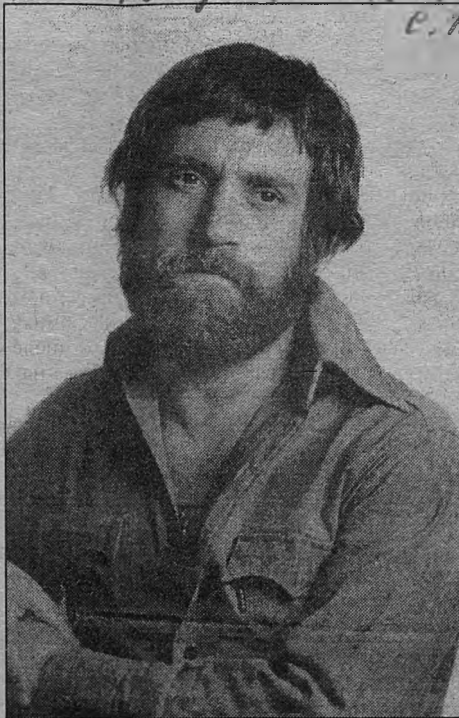
верянин, Гумилев... Первыми «изображали» Игоря Северянина в том же «Послушайте!» юные Саша Калягин и Ваня Дыховичный.

Затем читают Есенина Никита и Валерий. Я — Маяковского и Северянина. Опять Есенин, «Черный человек». После него следует («вне хронологии») Владимир Высоцкий: «Мой черный человек в костюме сером...» Исполняет Никита, а люди в зале и мы на сцене вздрагиваем от сходства с манерой Володи...

Внешне мало похожие, отец и сын почти сливаются в один зримо-звучный портрет. Я вижу первые ряды глядящих снизу вверх на Никиту у микрофона. Людей пробирает магнетический озноб: рядом совершенно живой Владимир Семенович. Так выбрасывается речь, так искажается рисунок рта в момент страсти, так набегает «кривая улыбка» сарказма, так собираются все черты лица в секунду торжественной коды:

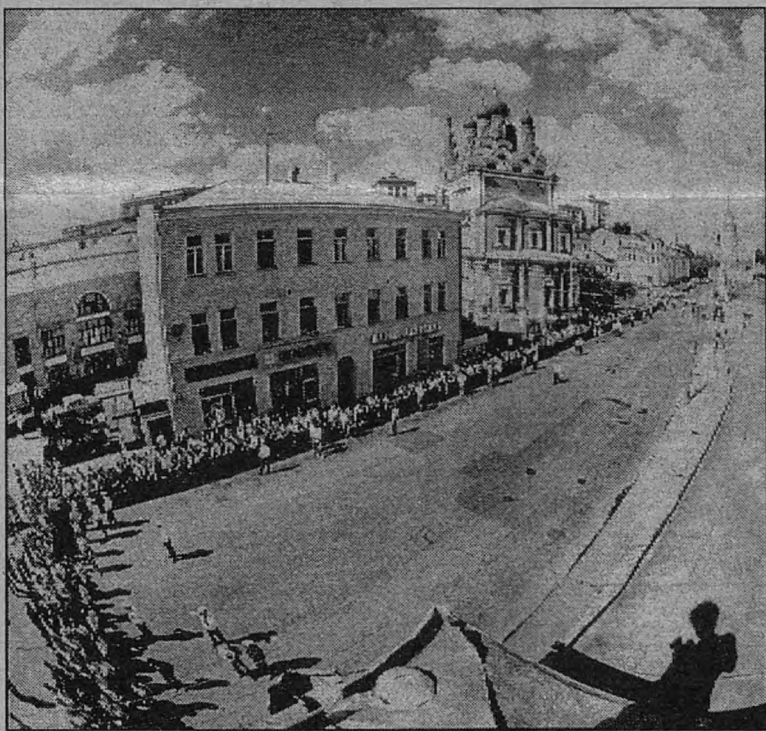
Мой путь один, всего один, ребята:
Мне выбора, по счастью, не дано...

Золотухин поет Северянина в манере Вертинского, Н.Высоцкий читает Гумилева, а я обращаю зрителей к тому первому случаю, когда в 1988 году застенчивое партийное руководство разрешило отметить день рождения В.Высоцкого «на официальном

Владимир Высоцкий.

Я старался разными ухищрениями интонациями не только публику потешить, но обязательно Золотухина с Никитой расхотать. И расхотывал! А письмо это примечательно не столько тем, что прислано бы-

Почитатели Владимира Высоцкого пришли проститься с ним.

уровне». И эта услуга властей, конечно, была оказана в медвежьем жанре: навалились на имя поэта всей неуклюжей мощью финансов и фанфар, объявили лауреатом Госпремии, предоставили Дворец спорта имени Ленина, спешно погнали тиражи книг, значков, пластинок, телефильмов...

И все это — с опозданием на целую жизнь плюс восемь лет посмертных... Тогда в Москве на одной сцене впервые оказались вместе мы с Никитой и Валерием, а рядом были Демидова и Филатов...

И вот через 8 лет — второй случай. В разгаре вечера, в центре программы мы исполняем стихи и песни В.Высоцкого. Через 30 лет живо вспомнились и повторились разные прибаутки, шутки и актерские «корючки»...

А когда по моей просьбе Золотухин спел из «Бумбараша»: «Наплявать, наплявать, надоело воевать» (стихи любимого нами Юлия Кима), я в свой микрофон дул часто-часто, изображая паровоз. Раньше мне помогал «дуть и шипеть» отец, а сегодня — сын... О чувствах, что бродили в душе, промолчим.

А потом я прочитал замечательно озорное письмо. Оно вошло в книжку дневников Золотухина и очень кстати пришлось на вечер нашего «трио».

любимовского театра, и 16 лет прошло с тех пор, как он ушел со сцены... Вот что было предметом наших оживленных бесед об отце Никиты.

Неспасаемый спасатель

До сих пор не могу примириться с «темой алкоголизма» у В.Высоцкого. Может быть, по врожденно-советской привычке опасаясь «запретных мест». Может быть, стыдно видеть публичное скопление у «замочной скважины» в личную жизнь кумира. Может быть, чувствую фальшь и недобрую причину близких людей играть на больной струне.

А может быть, просто не могу забыть своего горького опыта, двух отчаянных попыток вылечить Володю, вывести из «пики» запоев.

А он был и невыводим, и неспасаем. Только сам: если решал — выходил. Поддавался дружеской помощи, шел на встречу пожеланиям трудящихся...

Выводов из моего горького опыта два: 1) он никогда не был ни алкоголиком, ни наркоманом, эти читатели-почитатели спровоцировали обострение «модной тематики»; он был во всем самоуправляем и болезненно свободололюбив; когда хотел — делал, когда хотел — останавливался; 2) я был и остался виновным перед ним, и тогдашнее незнание не освобождает меня от вины.

В начале 70-х годов Володя восстанавливал здоровье в клинике у Левона Бадаляна. Знаменитый невропатолог и ценитель поэзии и театра, он поместил Высоцкого в ординаторской, создал ему, против всех правил, персональный рай.

Володя после болезни — это всегда было что-то близкое к ангелам. Я навещал его, мы обсуждали наши дела, Володя потребовал внимания на 40 минут, ибо отныне — новая жизнь во всех отношениях, в том числе — в сочинительстве! «Вот начало романа, я читаю, и ты сразу поймешь». И он энергично прочел «О дельфинах-психах».

Он и сам был возбужден, а я наэлектризовался так, что до сих пор считаю эту вещь вершиной русской прозы.

Покончив с вершиной, Володя спросил: «А ты тоник когда-нибудь пробовал? Нет? Тоник — это вот! Теперь абсолютно нет смысла в алкоголе. Тоник, он все заменяет! В нем содержатся такие аминокислоты, такая гидрометизирующая доза хинина, что ты — в полном порядке! Ну, что тебе еще не ясно, чудак? Тоник — он же тонизирует, даже кофе теперь не надо пить!»

Я, конечно, пародирую текст, но энергия и убедительность доводов были выше, чем в моем отражении.

И с тех пор, как погляжу на тоник, где бы он ни стоял, — дрожу от восторга и почтения, как будто чувствую, что именно наэлектризовал эту банку. Кстати, в день моего первого знакомства с тоником просветитель дал мне только пригубить, не больше. «Ты что?! У меня теперь каждая капля на вес золота! Я и прозу начал писать, потому что эта штука поджаряет колоссально!»

...Был такой страшный день, когда первая жена Володи — Людмила Абрамова вызвала к себе — спасти мужа от гибели. Я позвонил Л.Бадаляну, мы примчались. Увидели. Мне показалось, что еще пять минут — и отравленный алкоголем человек погибнет на наших глазах.

Мой знакомый психиатр только недавно поступил на службу в Институт судебной медицины им. Сербского. Ныне за этой злобещей вывеской раскрыто много преступлений. Там

«лечили» инакомыслящих. Тогда же мы ничего не знали об этом, знали только, что надо срочно спасать.

Бадалян сказал, что если Володя и Люся согласны, то можно поместить больного в институт под контроль Жени Борисова и привести организм в порядок. Дело кончилось бедой: Володю поместили, Борисова наутро отпустили в командировку, а вместо лечения была гнусность. Володю пытались запугать, но малейшая догадка о том, какими методами здесь «лечат», преобразила больного, он потребовал, чтобы его выпустили. Над ним стали издеваться, но он так сказал: «Я требую», что мерзавцы... подчинились. Тяжелая вина за эту больницу — на мне.

Через 10 с лишним лет в квартире у Высоцкого на девятый день после Володиной смерти ко мне подошел Вадим Туманов. Последние годы, очевидно, не было ближе друга у Владимира. Вадим вернул мне историю с институтом Сербского, переказав Володины реакции, чем сильно облегчил мои переживания. Но я все же иду дальше, я расскажу о том, как Володя «отомстил» мне.

Осенью 1978 года в Москве на студии «Экран» озвучивался фильм о трех мушкетерах. После напряжения долгих месяцев съемок и передыжки наш режиссер Юра сорвался и «расслабился». Жена в отчаянии: Юра умирает, организм отравлен. Повесть устроил больного в клинику, где профессор Элконин сразу подключил его к каким-то проводам и начал экстренный курс борьбы за жизнь.

В палату, конечно, не допускался никто со стороны. Вдруг прилетел из Парижа Высоцкий, узнал, где Юра, и заодно узнал, что «уложил» его...

Он ворвался в палату, на глазах обомлевшей сестрички отключил оживающего от всех проводов, одел его и потащил к выходу. Скандал! Сестричка, не веря глазам, шепчет: «Это реабилитация... Его нельзя трогать... Меня — под суд...» Высоцкий быстро пишет расписку и тоном, который уже никому не повторить, убеждает медицину: «Я все знаю. Вам ничего не будет. Передайте руководству, что Высоцкий взял его на себя, и вас реабилитируют!» И увез бездыханное тело. Дома напичкал его новейшим французским средством, и через пару дней режиссер явился в студию свежее огурца с грядки.

Удивительно, что ни причин такого «отмщения», ни своих страданий по поводу «Сербского» мне, виновнику, Володя не открыл. Во-первых, понимая причины моих действий, а во-вторых... сам, мол, должен догадаться. Но меня «догадал» Вадим Туманов — уже после Володиной смерти.

Удивитель Высоцкий

Умение удивлять и удивляться равно таланту жизни. Придумать песню — и немедленно найти слушателя, и срочно поразить его новизной, словом, юмором, гиперболой! Скольким счастливым — живым свидетелям до сих пор кажется, что поэт знакомил с новой песней ради их прекрасных глаз или ушей. А он этим утолял эгоизм удивителя. Если день прошел и никто не удивился хорошей, звуковой новости — что это за день?

Устроил полет всей труппы театра посреди гастролей в Ташкенте — на десантном самолете в Самарканде...

В антракте своего спектакля, который играли в другом помещении, на своей машине со своими партнерами ворвался в чужой спектакль, подговорив всех выбежать на сцену, напугать-насмешить в массовой сцене чужой эпохи и быстро вернуться в свой зал, в свой час, в свое удовольствие...

...Я много и подолгу ездил вдоль и поперек Америки. Но стоит увидеть на автотрассе многоярусные асфальтовые рукава развязок — перед Чикаго, перед Денвером, перед Лос-Анджелесом, — словно фотовышкой озаряется память... Высоцкий рассказывает о первых потрясениях в США... Дороги, машины, дороги...

И весело, и грустно вспоминать